

А. М. АСТАХОВА

К новым записям былин в Поморье

Публикуемые былины записаны В. П. Чужимовым летом 1934 г. в селе Зимняя Золотица от Марфы Семеновны Крюковой, 58 лет. Сказительница — старшая дочь знаменитой Аграфены Матвеевны Крюковой, от которой А. В. Марковым записаны были в 1899 г. 60 былин и исторических песен, а в повторной экспедиции 1901 г. еще 2 былины. Последние она переняла уже от дочери своей Марфы. См. „Беломорские былины, записанные А. Марковым“, М., 1901 г. №№ 1—60 и „Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским“, Труды Этнографической комиссии, М., 1905 г., №№ 6—7. О самой А. М. Крюковой см. „Беломорские былины“, стр. 27—30 и „Материалы“, стр. 8—9.

Одной из выдающихся отличительных черт репертуара Аграфены Матвеевны Крюковой явилось скрещение в нем двух былинных традиций: Терского берега — родины А. М. (былины №№ 1—41, унаследованные ею от матери, дяди Ефима, соседей и подруг) и Зимнего берега, куда она переселилась после замужества. В роду мужа А. М. тоже известны были крупные мастера былинного сказительства: Василий Леонтьевич Крюков, свекор А. М., которого Марков уже не застал в живых, и его брат — Гаврила Леонтьевич. От первого Аграфена Крюкова переняла 12 из напечатанных Марковым былин (№№ 42—44, 46—50, 54—55 и 59—60), от него же усвоили ряд былин и ее две дочери — Марфа и Павла. От Гаврилы Леонтьевича Марковым была произведена запись 26 былин и зарегистрировано 5. См. о Крюкове „Беломорские былины“ на стр. 342—343, былины №№ 66—86 и „Материалы“, стр. 9, былины №№ 16—20.

Даровитость двух родов — Крюковых и Стрелковых (род матери Аграфены Матвеевны) сказалась и в младшем поколении семьи Крюковых: две дочери А. М. — Марфа Семеновна и Павла Семеновна еще молодыми девушками были отмечены Марковым как незаурядные сказительницы. Правда, от Павлы С. записей у Маркова нет. Но, по его словам, она знала довольно много старин, которые переняла от деда Василия Леонтьевича, но петь их стыдилась („Беломорские былины“, стр. 23). Нам известны лишь две былины из ее репертуара, благодаря Аграфене Матвеевне, которая переняла их у дочери и спела Маркову (№№ 45 и 57).

От Марфы же Семеновны, тогда еще совсем молодой девушки, грамотной и любознательной, Марков записал в первую свою поездку 5 былин и во

вторую — 2 былины и два духовных стиха („Беломорские былины“, стр. 304—305, №№ 61—65 и „Материалы“ №№ 4—5 и 8—9). Кроме того, Марков зарегистрировал еще пять былин, известных М. С., из которых две он записал от А. М., перенявшей их от дочери, и отметил знание ею ряда духовных стихов. Таким образом, даже по величине эпического репертуара (12 былин, а может быть и больше), столь значительного для такой молодой сказительницы (23 года), Марфа Семеновна выделялась уже во времена Маркова. Кроме того, она славилась как исполнительница песен, которые, по словам Маркова, пела мастерски.

Главным источником знания былин для Марфы Семеновны были ее дед Василий Леонтьевич (от него она переняла былины №№ 61—62 и 64—65), мать Аграфена Матвеевна („Материалы“, стр. 9) и брат деда Гаврила Леонтьевич, на которого М. С. Крюкова ссылается в настоящее время. Кроме того, нескольким былинам М. С. научилась от покрученников¹ с Мезени. Поэтому одни былины она пела на „мезенский голос“, другие — на „золотицкий“.

Мы не располагаем, к сожалению, данными о репертуаре Марфы Семеновны Крюковой в настоящее время: какие произошли в нем изменения? оставлены ли или забыты какие-либо из ее былин и какие именно? насколько обогатился новыми вещами ее репертуар на протяжении 35 лет? и т. п. Мы не знаем также определенно, какими из других фольклорных видов владеет М. С. В присланной нам неоконченной заметке собирателя мы имеем только сообщение, что один из местных мастеров сказки, смотритель маяка „Вебрь“, тов. Ососков, ссылается на М. С. как на единственный источник своего знания, откуда он почерпнул „весь свой репертуар, без всякого, по его словам, изменения“ (В. П. Чужимов) — драгоценный штрих, так как с мастерством М. С., как сказочницы, несомненно связаны наиболее характерные черты ее былинного сказительства. Мы надеемся, что в недалеком будущем собиратель сможет нам дать полную характеристику М. С. Крюковой как исполнительницы. Пока же мы принуждены ограничиться теми соображениями, которые непосредственно вытекают из анализа печатаемых текстов.

Первая из былин „Гарвес“ является полным вариантом записанной Марковым в 1901 г. незаконченной былины под заглавием „Рында“ („Материалы“, № 9, стр. 41—46). „Конца“, по словам собирателя, „не записано, хотя певица знала всю старину“. Эта первая часть передает историю рыцаря Рынды, поражение его на поединке князем Крусивом, пребывание его в плену у последнего, женитьбу на сестре Крусива — Флориде и отъезд его к прежнему сюемому князю и другу — Арупу „в Европейское государство“. Вторая часть, отсутствующая у Маркова, повествует об истории сына Рынды и Флориды, Гарвеса, о поисках им отца, о его подвигах, встрече с отцом и о женитьбе на освобожденной им от чудовища красавице. Былина заканчивается рассказом о рождении и воспитании будущ-го непобедимого богатыря, сына Гарвеса — Пересвета. Эта вторая часть, насыщенная чудесными приключениями молодого Гарвеса (поражение им великанов, похитивших девушку, освобождение города Херестина от чудовища и др.) еще в большей мере, чем первая, обличает связь

¹ Рабочих, ходивших на рыбную ловлю и бой зверя на судах хозяев, из процентов.

былины с волшеббно-рыцарскими романами XVIII в. Былина в целом — совершенно уникальная вещь, огромная по размерам поэма (2164 стиха), пересказ в былинной форме, с применением ряда приемов былинной поэзии какой-то лубочной рыцарской повести. Марков нам не сообщает, от кого именно переняла М. С. эту былинку, но существование ряда таких былин, как „Гарвес“, как записанные Марковым „Купеческая дочь и царь“ и „Ждан-царевич“, теснейшим образом связанных со сказочным эпосом, — ставит вопрос об особой линии позднейшего былинного процесса, характерного, повидимому, главным образом, для Поморья, — переоформления сказки в былинку. Процесс этот совершался, очевидно, в крестьянской среде, в руках мастеров, знающих сказку и владеющих в совершенстве былинной техникой. Насколько легко сказители Беломорья перелагали в былины другие фольклорные виды, говорит нам и Марков: „После того, как репертуар двух сказительниц, певших мне старины вместе, Бурой и Лыткиной, уже истощился, они, желая получить еще гонорара, своим обычным былинным напевом запели следующее: «Из-за гор-то, да гор, да крутых, да высоких...» и т. д., т. е. обычную лирическую песню, обладающую совсем другим размером. То же самое они хотели проделать и с другой лирической — рекрутскою песнью“ („Беломорские былины“, стр. 17—18).

Исключительным по интересу и значению является момент (сообщенный В. П. Чужимовым) претворения в былинку той же Марфой Семеновной сказки о битве русских с кабардинцами, момент, который свидетельствует, что указанный процесс является живым и творческим в Беломорье и для сегодняшнего дня.

Сопоставление первой части „Гарвеса“ с напечатанным у Маркова вариантом обнаруживает специфические данные М. С. Крюковой как исполнительницы былин. При точном удержании сюжетной схемы, через 33 года мы не находим буквально ни одного стиха, который бы текстуально совпадал полностью, в то время как обычно, даже на большем временном расстоянии, варианты былин у преемников заключают целые ряды стихов, точно или почти точно повторяющих текст источника. Ср. напр., былины Трофима Григорьевича Рябинина в записях Гильфердинга 1871 г. („Онежские былины“, СПб., 1873) и варианты тех же былин, записанные в 1931—1932 гг. от его правнука, современного сказигеля — Петра Ивановича Рябинина (Рукописное хранилище Фольклорной секции ИАЭ Академии Наук СССР).

Текст первой части „Гарвеса“, по сравнению с напечатанным вариантом, разросся до необычайности: вместо 258 стихов мы уже имеем 956 стихов. Это увеличение текста произошло, во-первых, вследствие разрастания описательных частей былины: такие места, как описание жилища Арупа (15 стихов в начале былины), описания пути к Арупу (16 стихов), описание города, описание сада Крусива (7 стихов) — в первом варианте совершенно отсутствуют. Ряд других описаний (жилища Крусива, описание пира и др.) гораздо богаче, колоритнее, подробнее. Напр., описание двора Крусива в варианте Маркова занимает всего 17 стихов, в публикуемом же варианте — 39. Во-вторых, включены эпизоды, которые, не ломая основной линии повествования, сильно детализируют его. Так, вставляется в начале встреча Крусива с рыцарями и их приглашение побыть в шатрах, пока они доложат о его приезде Арупу, дается характерная подробность, что рыцари в Европейском государстве „бьются за честь княжесвы

Минервы“; включается поездка Рынды с Крусивом на охоту и целый ряд других эпизодов. Детализация идет также и по линии развертывания быта и психологических ситуаций. Так, два стиха первого варианта, посвященные свадьбе Рынды и Флориды („Материалы“, стр. 46, стихи 222—223), разрастаются в целую картину свадебных празднеств (стихи 652—697). Замечательны, в смысле бытовой детализации, торопливые сборы Крусива в путь при известии о непобедимом богатыре Рынде (с 50-го стиха): „Недосуг ему было дообедывать“ и далее, укоры Рынды Минерве, которая „первый раз то только свиделась, с богатырем приежым то не познакомилась, не похуляла, взяла с его подарки же“ (стихи 184—189); сборы в путь Рынды, когда Флорида печет ему „подорожнички“, накладывает „во сумочки во котомочкн“ и т. п.; насыщены психологизмом сцены прощания, рассказ о болезни Рынды: „Болесь-то сама прѳстая, через самого себя она“, болезнь Флориды и т. п. Есть некоторые изменения и в части фактического наполнения эпизодов; так, вместо „дорожной карты“, которую по первому варианту Крусив дарит Минерве, мы находим шарф и перстень; меняется весь церемониал вызова Крусива Рындой на поединок и некоторые другие. В общем мы находим свободную и творческую передачу усвоенного сюжета, непринужденное искусство которой поражает нас при сопоставлении обоих вариантов. Овладев, очевидно, к зрелому возрасту известным арсеналом книжных и сказочных эпизодов, описаний, образов, с одной стороны, и былинной техникой — с другой стороны, М. С. Крюкова искусно пользуется ими для творческого оформления своей цветистой поэмы.

Те же черты творческой манеры четко выступают и при анализе второй былины „Князь Михайло“. Былина эта известна нам в очень большом количестве пересказов, записанных в различных местах старой России и Советского Союза. Укажем основную библиографию данного сюжета: Рыбников. Песни. Изд. 2-е под ред. Грузинского, т. I, М., 1909 г., № 100, запис. в Петрозаводске в 1861 г., т. II, М., 1910 г. — вариант Пермской губ., запис. в Петрозаводске от захожего пермяка в 1861 г.; Гильфердинг. Онежские былины. СПб., 1873 г., № 299, запис. в Кенозере в 1871 г.; Соболевский. Великорусские народные песни, т. I, 1895 г., №№ 60—69. Варианты из Вологодской, Архангельской, Новгородской, Тульской и Орловской губ. Некоторые из них записаны еще в 40-х годах и перепечатаны Соболевским из собрания песен Киреевского; Григорьев. Архангельские былины. М., 1904 г., т. I, ч. I. Поморье, №№ 20, 31; ч. II. Пинега, №№ 11, 19, 28, 35, 43, 44, 59, 63, 70, 74, 97, 100, 103, 106—110, 116, 124, 131, 135, 140, 142, 147, 149, 152, 155, 159, 165, 166; Марков. Беломорские былины. М., 1901 г., №№ 169 и 549.

В советский период в Северном крае: в Каргопольском районе, на Пинеге и на Мезени, записан целый ряд новых вариантов, хранящихся в Рукописном хранилище Фольклорной секции ИАЭ. Жданов в своем исследовании данного сюжета отмечает наличие его в фольклоре юго-западных славян. „Песни о князе Михайле“. Живая старина, СПб, 1890 г., вып. I и II.

По словам сказительницы, она усвоила былинку от деда своего, Гаврилы Леонтьевича Крюкова. От него былина эта записана не была, поэтому мы достоверно не знаем, какой вид она имела в передаче деда, и каким изменениям подверглась у Марфы Семеновны. От самой М. С. былина эта тоже

раньше не была записана и даже не упоминалась среди других былин, ей известных. Но можно с полным вероятием предположить, что если бы в репертуаре Г. Л. Крюкова имелась былина о князе Михайле в таком развернутом виде, в каком мы ее находим в записи от М. С., то Марков наверное бы ее записал, настолько она выделяется среди всех известных нам вариантов этого сюжета. Особенности же творческой индивидуальности М. С., выявившиеся на материале „Гарвеса“, вполне подтверждают предположение, что новое оригинальное оформление сюжета принадлежит именно М. С. Крюковой. В ее передаче типичная былина-баллада с быстрым напряженным развитием сюжета частного, семейного характера, занимающая в среднем около 150 стихов, превратилась в длинную поэму-повесть в 923 стиха, обильно насыщенную бытовыми и психологическими деталями. Уже первый беглый взгляд на внешний вид былины позволяет схватить характерную особенность художественного оформления, пестроту ритмической ткани — чередование по большим кускам стихов коротких с длинными. Выделенные части, составленные из одних коротких стихов, представляющих по преимуществу четырехстопный хорей, и являются тем основным ядром былины, которое упирается в определенный источник. Сопоставляя эти части с вариантом былины, записанным от Аграфены Крюковой („Беломорские былины“, № 31), мы убеждаемся в несомненной их близости. Есть ряд стихов, совпадающих текстуально, есть ряд стихов близких, лишь с некоторыми изменениями. Эта близость и частые совпадения наводят на мысль, что, быть может, вопреки ссылке самой исполнительницы, источником послужила былина в редакции не деда, а именно матери.

Однако, все же и эти близкие к оригиналу места творчески переработаны, развернуты, детализированы. В то же время эти части былины одновременно разделены и связаны большими вставками, представляющими эпизоды и описания, ни в одном из известных вариантов не встречающиеся. Такова, напр., первая часть до отъезда князя Михайлы — получение им извещения с поля, эпизод приготовления к отъезду, прощание с женой; описание съезда богатырей, плач матери Михайлы над трупом загубленного ею младенца и целый ряд других.

Эти вставки даются обычно в длинных стихах былинного типа; соответственно ритмической структуре меняется и напев, что указано каждый раз в примечаниях собирателя. Источниками этих вставок служат частично другие былины: „Дунай“, из которого заимствуется образ раздумья князя Михайлы: „Как тогда-то князь Михайло по комнате похаживал, с ноги на ногу манежно переступывал“ и т. д. (стихи 12—17); „Князь, княгиня и старицы“ — эпизод с ширинками, (стихи 511—552; ср., напр., „Беломорские былины“, № 30, запись от Аграфены Крюковой); „Бой Ильи Муромца с сыном“ (высматривание богатырями неприятеля) и др. Из былины „Женитьба Пересмякина племянника“ перенесен в начало новый эпизодический персонаж — Пересмякин племянник.

Большое влияние на данную былинку оказал или непосредственно „Гарвес“, или те рыцарские повести, на основе которых сложился и сам „Гарвес“. Князь Михайла едет на „съезд богатырей“ рыцарей, на этом съезде поют „про старинно старо время“, поют „длинные истоии“. Жена князя Михайлы сидит на стуле „рыта бархата“ и т. д. На музыкально-ритмическую сторону последней части оказали также влияние причитания (со стиха 860).

Но главным источником явилась творческая импровизация, направленная на насыщение психологическими и бытовыми моментами. Прощание с женой — „белым платиком она ему махала“, изображение верности служанок, отказывающихся одеться в „пировое“ платье, обещание князя нянюшкам, что он запишет, чтобы новый князь их не оставил, вопрос попов, почему Михайла явился в церковь в дорожном платье — все это обнаруживает чрезвычайно большое внимание, которое уделяет исполнительница чертам реально-бытовой обстановки и психологическим моментам. Особенно замечательна социальная мотивировка убийства: мать не влюбила невестку за то, что она „проста“, „роду простого“. Этот мотив классового противоречия, дающий социальное осмысление семейной трагедии, совершенно отсутствует в известных доселе вариантах. В некоторых вариантах говорится лишь о том, что Михайла женился без согласия матери. (См. Соболевский, Песни, № 55.) Указанный мотив проходит через всю былинку: плач матери над трупом внука, намерение ее женить сына на другой „из роду королевского“ и т. д. Возражение князя на обвинение матерью жены в измене: измена бывает только в королевском роде, „в простых родах не бывает“ ясно свидетельствует, на чьей стороне сочувствие исполнительницы.

Следует отметить также вторжение в былинку новых образов и понятий. „Есва сахарная“ заменяется „белым хлебом первосортным“, богатыри съезжаются на „заседание прехитрое“, где сводятся „годовые счета“, князь Михайла умирает „от разрыва сердца“, хотя по традиции просит сковать ему ножики — орудие самоубийства, на могилах ставится памятник с надписью на камне и т. д.

Новые записи былин, произведенные В. П. Чужимовым, поднимают ряд принципиальных вопросов, связанных с проблемой создания и развития былин: о живых творческих процессах в области былин в крестьянской среде, о взаимодействии былин и сказки, о типах крестьян-сказителей и др. В лице Марфы Крюковой мы имеем несомненно очень одаренную и своеобразную творческую индивидуальность, чрезвычайно свободно обращающуюся с фольклорным материалом. Это было, между прочим, отмечено еще и Марковым, оставившим нам драгоценные строки о Марфе Семеновне: „Индивидуальную особенность в музыкальном отношении представляет молодая сказительница М. С. Крюкова; старины, которые пришлось у нее слышать, она поет на особые напевы, из которых одни, как она утверждает, переняты ею у деда, другие — у мезенских калик. Но напевы ее, как и самый текст, страдают какой-то неустойчивостью и отсутствием определенного размера. Подчас казалось, что в данный момент она сочиняет старину и укладывает ее в первый попавшийся напев, быть может ею сочиненный или заимствованный из другой былинки“. (Материалы, стр. 9).

Однако, наблюдаемые нами явления в былинном сказительстве одного исполнителя, в творчестве которого известные черты выразились с особой силой, проливают свет и на некоторые общие моменты позднейшего былинного творчества. Наконец, записанные былины снова возвращают нас к замечательному сборнику Маркова и выдвигают задачи изучения специфики беломорской былинки в ее социально-исторической обусловленности.